

УДК 93/94+39+008
ББК 63.3(0)+63.5

В ПОИСКАХ РАННЕЙ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ АВСТРАЛИИ

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА ГОВОР

(Австралийский национальный университет: Австралия, г. Канберра, АСТ 2600)

***Аннотация.** В статье поднимаются вопросы этнокультурной идентичности ранней русской эмиграции в Австралии, прибывавшей в эту страну накануне Первой мировой войны. Мнения исследователей о том, можно ли считать этих иммигрантов диаспорой, расходятся. Автором статьи делается попытка на основе архивных источников, воспоминаний, австралийской печати представить пути диаспорной институционализации этих ранних переселенцев, проходившей в отсутствие таких традиционно объединяющих институтов, как Русская православная церковь. Эволюция идентичности этих иммигрантов рассматривается далее в контексте их последующей жизни в Австралии, которая происходила в основном вне контактов с диаспорными институтами, созданными иммигрантами последующих волн. Исследования автора, в частности интервью с потомками и близкими этих иммигрантов, позволяют выявить особый тип русской идентичности, который проявляется не через такие традиционные этнокультурные маркеры, как язык, религия, пища, а через более глубокие элементы наследия русской гуманистической культуры при внешней полной интеграции иммигранта в австралийское общество.*

***Ключевые слова:** дореволюционная эмиграция, русские, Австралия, диаспора, идентичность.*

Многочисленные работы последнего времени о российской диаспоре связаны в основном с двумя аспектами переселения наших соотечественников в новую страну — сохранением их этнокультурной идентичности, пресловутой «русскости», и успеху в стране иммиграции. Исследователей из России интересует прежде всего первый аспект, иммигранты же, живущие на чужбине, сохраняя эту русскость на практике, ставят во главу угла гордость за достижения своих земляков. Понятие диаспоры инкапсулирует эти два взаимосвязанных поля через изучение институционализации диаспоры и через истории ее предпринимателей. Вполне естественно, что процесс сохранения этнокультурной идентичности

и успех диаспоры воспринимается безусловно как позитивное явление, в то время как ассимиляция, проявляющаяся в утрате языка, религии, культуры — напротив, выступает как процесс негативный, сводящий предмет исследования на нет.

Но ведь процесс эмиграции всегда идет в паре с процессом иммиграции. К сожалению, история России такова, что в умонастроениях многих наших соотечественников, покидающих родину, компонент эмиграции — изгнанничества, беженства — являлся преобладающим. Принимающая страна воспринималась как временное, случайное место, где до поры до времени изгнанники находили себе приют, в жизнь которой они вынуждены были включаться только для выживания, в то время как всё

дорогое оставалось на родине и воспроизводилось в рамках институционализированной диаспоры. Процесс вживания в новую страну, ее познание, принятие и, наконец, любовь к ней — эти вехи процесса иммиграции часто находились на заднем плане и не успевали проявиться в жизни первого поколения иммигрантов.

Исследование историй представителей ранней русской эмиграции в Австралии, а также контакты с их потомками и окружением помогли мне осознать, что процесс иммиграции — ассимиляции, интеграции, вживания — не менее интересен, чем целенаправленный процесс сохранения этнокультурной идентичности, и что с выпадением иммигрантов из институционализированной диаспоры они отнюдь не перестают быть русскими, но просто в силу стечения обстоятельств или сознательного выбора для них «своим» становится общество принявшей их страны.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ: САЙМОН СУЧКОВ ИЗ ТАСМАНИЙСКОЙ ГЛУШИ

Об этом я думала, покидая в январе 2018 г. гостеприимный дом Портеусов, семьи потомков ирландских иммигрантов, поселившихся на северо-западе Тасмании более столетия назад. Их соседом по ферме был иммигрант из Белоруссии Семен Михайлович Сучков. Бывший учитель, царский политзаключенный, бежавший из сибирской ссылки, австралийский Анзак,

воевавший в австралийской армии в Первой мировой — судьба его меня давно интересовала, но, зная, что в Австралии у него не было семьи, я не надеялась когда-либо найти его фотографию. И вот — чудо современной поисковой техники, — узнав, что Р.А. Портеус был исполнителем его завещания, я в мгновение ока вышла на его детей, которые и пригласили меня к ним в поселок Смиттон. Мы встретились в центре городка, и они повели меня к местному памятнику Анзаков, где среди англосаксонских имен выбито и имя нашего героя — Simon Sutckhoff. Надо было видеть, с какой гордостью Лори Портеус, 80-летний старик-фермер, рассказал, как на День Анзака он каждый год надевает на правую сторону груди медали Саймона, т.е. Семена, и приходит сюда на рассвете, когда вся страна в тихой церемонии поминает своих сыновей, воевавших и погибших во всех войнах. А потом мы отправляемся домой к Лори, где хранится архив Семена — записные книжки, письма, фотографии, а еще его прокуренная трубка и медали — их мне дают поддержать и сфотографировать, а документы и письма Семена Лори уже сосканировал для меня и дает их на флэшке. Среди бумаг — пожелтевшие страницы рассказа Семена «Картофельный король». Рассказ этот я знаю — несколько лет назад я нашла его в архиве Университета Тасмании, — но теперь я понимаю, как он туда попал: с этих рукописных листочков его перепечатала на пишущей машинке

Семен Сучков на ферме
Simon Sutckhoff at his farm

мать Лори и передала копию в архив. Портеусы расспрашивают меня, кто такие белые русские и как можно найти родных Семена, которых революция разбросала по всему свету. Пока мы рассматриваем эти реликвии и пьем чай, Лори, его брат и сестра наперебой вспоминают Саймона: когда он умер в 1957 г., они были детьми, и они помнят, что, когда он заходил к ним на ферму, у него бывала в кармане шоколадка, которую делили на всех детей, и как их семья всегда приглашала его на Рождество. Нэнси вспоминает, как доила у него на ферме коров, а Брюс, старший, вдруг начинает рассказывать о чудесной полке книг во всю стену, которая была в домике Семена, — книги были и на русском, и на английском, и все соглашаются, что другого такого знающего человека в их глуши было не сыскать. И тут уж я могу поделиться пачкой статей Семена из местных австралийских газет, в которых он писал о нуждах местных фермеров, о школе для их детей [Simon Sutchkoff].

Вот мы и подошли к вопросу об идентичности: что же произошло с Семеном, прожившим сорок лет в тасманийской сельской глуши, — ассимиляция, аккультурация, интеграция? А может быть, это просто жизнь без заумных -аций, след на земле, который всё еще остается и через 60 лет после смерти Семена? Он не участвовал в жизни русской диаспоры Австралии, он не играл на балалайке, он не построил храм и не делал пожертвований на содержание священников, окормлявших общину, но он отнюдь не перестал от этого быть русским, да и храм, возведенный им, стоит — среди проселочных дорог, одна из которых когда-то была известна как дорога Сучкова, под высокими эвкалиптами. И храм этот возведен в душах людей, которые благодаря их русскому соседу выросли без ксенофобии к чужакам, с пониманием того, что не все русские шпионы и «красные», что человека ценят по его поступкам, а не по этническому происхождению, причем всё это было достигнуто не через диаспорные институты, стремящиеся пропагандировать априорный положительный образ России, а через соседство с единственным «хорошим» русским.

И я уверена, что, когда уйдет из жизни поколение старших Портеусов, медали, трубка и бумаги Семена будут так же свято храниться их детьми и внуками.

В эмигрантоведении процесс ассимиляции рассматривается преимущественно в негативном ключе, с точки зрения утраты ценностей родной культуры, которая во многих случаях усугубляется насильственной ассимиляционной политикой государства и общества. Но ведь на этот процесс можно посмотреть и под другим углом. И тут примером может стать переосмысление процесса колонизации в Океании. Например, традиционно «вторжение» европейских миссионеров рассматривалось как процесс негативный, который включал искоренение традиционной культуры и насаждение чуждой островитянам религии; океанийцы в этом процессе виделись только страдающей, пассивной стороной. Однако в последние десятилетия взгляд на такие процессы радикально изменился, жители Океании, а за ними и многие этноисторики настаивают, что коренное население отнюдь не было пассивной стороной, они активно участвовали в двустороннем процессе обмена культурой, они сами решали принять миссионеров и адаптировать новую религию для своих нужд. Более того, они в какой-то степени манипулировали прибывавшими к ним европейцами. Для этой модели поведения используется специальный термин *indigenous agency*. Мой опыт полевой работы в Папуа-Новой Гвинее, в д. Кеапари на южном берегу, и в Горенду и Гумбу на Берегу Маклая, подтвердил, что новогвинейцы убеждены: это именно они делали процесс поселения европейцев в их деревнях возможным и желательным. Например, успех миссии Миклухо-Маклая объясняется тем, что с самого начала он был взят под защиту Туем, стал его названным братом, а от Туя покровительство перешло к названным братьям Туя в других племенах, например к Коди Боро в д. Богадьим (Yaboi Tui 8.09.2014, деревня Горенду; Kuyu Ambel, из деревни Богадьим, 9.09.2014).

В широком смысле эти межкультурные контакты можно рассматривать в контексте «модернити», новаторства, где колонизируемая, ассимилируемая сторона принимает культуру другой стороны по своему выбору, поскольку та приходит вкупе с привлекательным прогрессом, а это возвращает нас к процессам, происходившим в эмигрантской/иммигрантской среде Австралии. Массовая эмиграция россиян с Дальнего Востока в Австралию началась

в 1909 г., и к началу Первой мировой войны их численность там составляла не менее пяти тысяч. В то время Австралия — страна социальных реформ с 8-часовым рабочим днем, высокой заработной платой, пенсиями по старости, с такими широкодоступными культурными институтами, как школы, библиотеки и печать, — представлялась передовой демократией западного мира, раем для рабочих. Первые впечатления оказавшихся там русских вполне совпадали с этим образом.

Рабочий Николай Блинов, прибывший с группой эмигрантов с Дальнего Востока в 1914 г., записывает свои впечатления от встречи с англо-австралийцами в Дарвине: «Народ белый, в белой одежде. Всматриваются в нас так пристально, как будто хотят смерть с головы до ног». Затем в Брисбене, когда их группу ведут по улицам города в эмиграционное бюро, осознание своей «инакости» продолжается: «Нам показалось, что тут все очень хорошо одеты <...>, люди на нас глядели как на русских медведей. И действительно, одежда наша — разноцветные русские рубашки, широкие плисовые шаровары, подпоясанные широким поясом или просто кушаком, картузы на головах — резко выделяла нас на улице австралийского города». Характерна реакция русских на такое отношение к ним, подмеченная Блиновым: «Но ребята вели себя свободно, не смущаясь, а даже гордясь, что вот, мол, люди на улице останавливаются, на нас глядя» [Блинов 1933, 9].

Вскоре по прибытии в борьбе между двумя тенденциями, подмеченными Блиновым — осознания своей «отсталости», смешанного с чувством гордости за свою «русскость», — побеждало стремление вписаться в окружающую жизнь хотя бы внешне. Политический эмигрант Герман Быков в очерке «Русь Австралийская» писал об этих процессах явно неодобрительно: «Странные мы люди, русские “мужики”. Идеалисты не идеалисты, а всё же любим всё чужое, не наше, представлять в розовом свете. По контрасту, должно быть... На родине шло всё из рук вон плохо... Ну, а за граница — это уже свобода, культура, цивилизация, одним словом — “прогресс”. <...> Распрощавшись с русской косовороткой и с лаптями и с сапогами со скрипом, разодевшись в картонные манжеты, мы как-то незаметно теряем всякое самообладание, чувство

меры. “Россия-то? — Нищета одна, словом, невежество полное”, — резюмирует безграмотный представитель “Великого Народа”. Разумение этих отрекающихся от России резонеров касается лишь внешне культурной жизни “демократий” за границей. Истинно русская грубость всё же не может сползти с физиономии этого англазированного манжета. Стремление отказаться от всего русского, желание окунуться в гущу народной жизни кончается психологически акклиматизацией и натурализированием. Данные типы полагают, что “гражданские бумаги” делают их “джентельменами»» [Резанов 1918, 334].

Критическое отношение политэмигрантов к «англазированным манжетам», ставшим своего рода символом ассимиляции, понятым, так как политэмигранты рассматривали своих соотечественников в эмиграции как будущих граждан свободной России и «окормляли» их в надлежащем классово-сознательном духе. При отсутствии Православной церкви и ограниченной роли консульства политэмигранты стали движущей силой диаспорной институционализации русских общин в Австралии во втором десятилетии XX в. [Каневская 2010, 27–38]. Осуществлялась она под руководством политэмигрантов через создание обществ, библиотек, издание газет с ярко выраженной просоциалистической ориентацией. Концерты, театральные постановки, вечера и балы носили менее политизированный характер, хотя и были тесно связаны с политическими установками лидеров общин.

Но наряду с этим создавались диаспорные центры бытового характера. Это прежде всего были пансионы, где останавливались и столовались русские. Обычно они содержались женщинами, женами русских иммигрантов. В Брисбене они располагались на южном берегу реки, недалеко от иммигрантского бюро, в районе улиц Меривейл и Стэнли и в соседнем районе Вуллунгабба; зачастую они даже носили русские названия, например Москва и Киев. Но самым известным среди них, настоящим центром русского Брисбена, стал дом Михаила и Анастасии Степановых на ул. Меривейл. Он служил и своеобразным почтовым ящиком для русских. «Вручить через Степанова» часто значилось в адресах, которые они оставляли властям, отправляясь в новые странствия. По соседству

располагались разнообразные русско-украинско-еврейские лавки, мастерские, харчевни и прочие «бизнесы», от игорных притонов до книжного магазина с русскими граммофонными пластинками [Govor 2007, 130–135].

В «Истории русских в Австралии» этим русским дореволюционным иммигрантам отказано в чести играть «какую-либо роль в формировании русских общин Австралии», «в создании Зарубежной Руси на берегах Пятого континента» [История русских 2004, 130, 287]. Однако богатство и разнообразие форм русской жизни во втором десятилетии прошлого века не оставляет сомнений, что ко времени Первой мировой войны в Австралии уже складывалась диаспора, успешно функционирующая как в крупных городах — Брисбене, Сиднее, Мельбурне, — так и в промышленных центрах, таких, как Порт-Пири и Брокен-Хилл, а также в отдельных сельских районах, например, на плантациях сахарного тростника Бингера в Квинсленде. Были в Квинсленде и русские сельскохозяйственные колонии — в Валлумбилле и на плато Атертон.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. МАЛЕНЬКАЯ СИБИРЬ НА ПЛАТО АТЕРТОН

В 1940 г., когда во время Второй мировой войны Австралия была охвачена шпионофобией и многие иммигранты оказались под подозрением, власти Атертона — небольшого поселка, затерянного среди тропического леса Северного Квинсленда, — обнаружили своего собственного «шпиона». Им сочли Никифора Хоменко, русского поселенца из лесов Гадгарры, который, будучи не натурализовавшимся иностранцем, не зарегистрировался в полиции, как требовали того условия военного времени. Местный полицейский, занявшийся сбором сведений о нем, обнаружил, что, хотя Хоменко и живет в Австралии с 1913 г., он «едва говорит по-английски». Объясняя начальству, как же этот русский смог прожить в стране 27 лет без языка, полицейский писал, что Хоменко «жил в местности, где проживали другие русские, и поэтому он обходился преимущественно русским языком». В 1996 г., собирая сведения об этой русской колонии, я встретила с Биллом Хоменко, сыном Никифора. «Мы так

и называли эти места — Маленькая Сибирь», — сказал Билл, вспоминая о тех далеких годах [Govor 2000, 109–122].

Основателями Маленькой Сибири была семья Ильиных из Петербурга. Глава ее, писатель Николай Дмитриевич Ильин, живя в Патагонии, узнал о «справедливости австралийских властей» и решил переехать с семьей в Австралию. Его захватила идея основать здесь русскую колонию. Они прибыли в Австралию в 1910 г., что совпало с началом массового переселения русских в эту страну. Шесть месяцев спустя, 15 марта 1911 г., он писал: «Я сделал все, что мог, чтобы привлечь моих соотечественников поселиться по соседству со мной, и в результате 11 участков земли в Гадгарре уже заняты русскими». Среди поселенцев были и политэмигранты, например семья Михаила Прохорова, сын которого, Александр, стал лауреатом Нобелевской премии. Некоторые из соседей Ильиных оставались в Гадгарре недолго и вскоре бросали участки, так и не приступив к раскорчевке леса, некоторые начинали работы, но не выдерживали изнуряющей борьбы с тропическими джунглями и переселялись в более благоприятные районы. Выстояла лишь горстка самых крепких.

...Мы сидели на ржавой цистерне во дворе фермы Билла Хоменко, в раннем детстве привезенного родителями на холмы Маленькой Сибири. Его нагруженные руки лежали на коленях, босые ноги крепко стояли на земле. И его австралийский сленг, и потертая широкополая шляпа делали его настоящим австралийским бушменом, но мне он казался до боли знакомым, таких стариков я встречала в наших деревнях, когда ходила по дорогам Белоруссии, собирая материалы о своих предках. Даже двор фермы — лошади, спокойно стоящие у «плота», сделанного из жердей, и старый сарай, и земля, раскисшая после недавнего дождя, — всё казалось до странности знакомым и родным. Всё, кроме гофрированного железа... А Билл вел меня в прошлое, в то время, когда босоногие русские ребята верхом на неказистых лошадаках скакали по дороге Гадалова в школу. Мы были среди останков Маленькой Сибири, и Билл Хоменко был ее последним могиканином. Казалось, что русские названия окружающих мест — холм Ламина, мост Баляса, вулканический кратер Стрельникова — да расчищенные от джунглей туманные холмы

за его спиной были единственным материальным свидетельством о трех десятках русских, когда-то покоривших эту землю, составляя русский слой в богатой истории этой земли, пришедшийся между аборигенским и австралийским.

Моей спутницей по путешествию была Флора Хулихэн, ровесница Билла, внучка Николая Ильина. Ее матерью была Китти, местная аборигенка из племени нгаджон, а отцом — Леандро Ильин, сын Николая. Николай воспитал своих детей в духе русского гуманизма и демократизма, и в Австралии эти принципы выдержали испытание жизнью. Когда у Леандро и Китти, ставшей де-факто женой Леандро, в 1914 г. родился первенец, Дик, и Леандро попытался получить разрешение на брак с Китти, «демократическая» Австралия обернулась к Ильиным другим лицом. Протектор аборигенов отказался дать Леандро разрешение на брак и начал настоящую охоту на Китти, ожидавшую второго ребенка, для выселения ее в резервацию. Оставив маленького Дика на попечение Николая, Леандро, взяв ружье, бежал вместе с Китти в горы и несколько месяцев жил с аборигенами. Рассказ о том, как их русский «Деда», взяв на попечение маленького Дика, сказал Леандро: «Сначала они возьмут меня и только после этого его», — стал частью семейного фольклора Ильиных. И только отчаянное обращение Леандро к ведущим политикам-лейбористам помогло ему оформить свой брак с Китти в 1915 г. Из-за своей аборигенской семьи в 1920 г. Леандро пришлось навсегда разлучиться с родителями, которые решили покинуть Австралию. Леандро со своей семьей тоже покинул плато Атертон и перебрался в места с более сухим климатом; одна из памяток этого — ручей Ильина в верховьях реки Бэдекин. Работал он на скотоводческих станциях — разнорабочим, гуртовщиком, охотником, огородником. Они довольствовались малым — хижинкой с земляным полом, а то и просто палаткой на берегу реки, уткой или рыбой, зажаренными на вечернем костре под звездами, веселыми песнями под мандолину. «Простая, чистая, честная жизнь и дети были главное для него», — вспоминает Флора. Но это не было бегством от действительности, Леандро стяжал славу «адвоката из буша», защищая права аборигенов, став одним из первых белых австралийцев, не

побоявшимся публично назвать аборигена своим темнокожим братом. В 1925 г. Китти умерла при родах на отдаленной скотоводческой станции, когда их младшей дочери, Вере Аралуен, было всего 3 года. Леандро отказался отдать детей на воспитание и вместе со старшими детьми заботился о малышах, учил их грамоте и всему тому, чему научил его отец.

Умер Леандро в Таунсвилле в 1946 г. Ныне у него 34 внука и несколько сот правнуков и праправнуков. Большинство из них считают себя аборигенами. Благодаря смешанным бракам в их семью вошли аборигены многих племен — от островов Торресова пролива на севере до камиларои на юге. И всё же земля племени нгаджон на плато Атертон, откуда Китти и Леандро начали свой путь более ста лет назад, остается для многих из них духовным средоточием. Недавно правительство восстановило собственность аборигенов на часть этой земли, а внучка Леандро, Вера Кетчел (Иллин), в 2017 г. ездила в Германию в качестве представителя семьи для возвращения на землю предков мумифицированных останков их прапрадеда-аборигена «короля Нарча», чье тело было увезено в Германию экспедицией Германа Клаатча в 1905 г.

На первый взгляд этнокультурная идентичность Ильиных не укладывается

Елена Говор с Билом Хоменко в Маленькой Сибири, 1996 г.

Elena Govor with Bill Homenko in Little Siberia, 1996

в рамки стереотипных представлений о «русскости» — они не говорят по-русски, не пекут пирожки и не водят хороводы в кокошниках. Леандро, воспитанный своим свободомыслящим отцом, не считал нужным навязывать детям какую-либо религию. Любопытно, что, несмотря на это, его младшая дочь Вера Аралуен крестилась в 1941 г. в русской православной церкви в Брисбене, но сделано это было под влиянием ее друзей-греков, а не семейных традиций. Старшее поколение семьи пережило тяжелые годы, когда в Австралии сильны были ксенофобия и расизм, и быть как русским, так и аборигеном было в равной степени опасно. «Да и кто тебе поверит, что ты русский, когда ты черный!» — говорит Эрни Хулихэн, внук Леандро. Мод, его жена, поначалу даже думала, что смуглая мать Эрни Флора — итальянка. Тем не менее старшие члены семьи все эти годы бережно хранили несколько русских реликвий, в том числе рукописи Николая, фотографии, письма, старинную иконку, изустно передавали рассказы о жизни Николая в России и о женитьбе Леандро и Китти, которые постепенно откristаллизовались в предание о первопредках, странствующих по земле. Но, как кажется, самое главное русское достояние этой семьи, которое передается из поколения в поколение, — это нравственные кредо русского интеллигента, отстаивающего равенство людей независимо от цвета их кожи, защищающего права «маленького человека», делающего в жизни то, что «должно». Неудивительно, что многие члены этой семьи стояли у истоков движения за права аборигенов в 1970-х гг. Зять Леандро — Ричард Хулихэн — был старшим другом Эди Мабо, повернувшего вспять ход австралийской истории, заставив Верховный суд Австралии признать его право на землю, что стало прецедентом для восстановления традиционных прав на землю у коренных жителей всей Австралии [Govor 2002]. Сейчас к ним присоединяется и молодое поколение. В то же время у них растет интерес к своим русским корням — на Фейсбуке некоторые из них используют русский флаг как аватар и дают ссылки к постам о России, а внучка Леандро, Гленда, побывала в России, в Ильинке Саратовской области, где родился ее прадед Николай.

Хочется надеяться, что контакты этой семьи с землей их предков продолжатся и не разочаруют их.

Важным аспектом иммиграционных процессов является и отношение к этнической самоидентификации. Как известно, Российская империя была многонациональным государством, где русские (великороссы) составляли только половину населения всей страны. В начале XX в. этнические русские составляли не более 4% среди россиян, въезжавших в Австралию. К началу 1910-х гг., во время массовой эмиграции россиян в Австралию, они составляли около трети всех уроженцев Российской империи. В Австралии и в статистическом, и в бытовом плане весь этот иммиграционный поток воспринимался как Russian, т.е. «русские». Некоторое исключение делалось для финнов, поляков и евреев, в меньшей степени — для латышей и эстонцев, и едва ли были отличаемы литовцы (в современном значении этого этнонима), белорусы и украинцы, не говоря уж о таких меньшинствах, как мордва и чуваша. Осетины, составлявшие в этот период до 10% иммиграционного потока, в редких случаях, когда их этнокультурное своеобразие было очевидно, назывались в австралийской печати русскими с Кавказских гор.

В 1910-х гг., при относительной малочисленности уроженцев России в Австралии и растущей роли политэмигрантов социалистической ориентации, институционализация — и политическая, и культурная, и бытовая — шла по линии создания институтов, объединяющих всех уроженцев России вне зависимости от их этнического происхождения, где русский выступал основным языком общения. В этом плане показательна эволюция названия главной организации российских эмигрантов в Квинсленде, претендующей на роль центра, объединяющего эмигрантов всех австралийских штатов. При учреждении этой организации в 1910 г. она называлась Русское общество взаимопомощи и не носила политического характера [Russian society; Пикунев 1960, 167]. Во время массового рождественского собрания русских эмигрантов в Брисбене в 1911 г. большевик Артем (Ф. А. Сергеев) выступил с призывом преобразовать это аполитичное общество в классово ориентированную, пролетарскую организацию и получил поддержку большинства. В личном письме он

называет ее «Русский союз», однако официальным наименованием стало «Союз русских эмигрантов» [Артем 1983, 97, 110]. Австралийские историки иногда ошибочно называют ее Союзом русских иммигрантов [Evans 1988, 30], но различие в наименовании — эмигранты vs иммигранты — имеет здесь принципиальное значение: и политэмигранты, и рабочие, приехавшие в Австралию на заработки, видели на первых порах себя именно эмигрантами, изгнанниками; процесс иммиграции, вживания в принимающую страну, шел у них только по мере необходимости. В декабре 1915 г. организация получила новое название — Союз российских рабочих [Устав 1915]. Кроме классово-пролетарского акцента, здесь характерна замена слова «русский» на «российский»: это отражало стремление снять некоторую напряженность в отношениях между русскими и украинцами, евреями, латышами, поляками, входившими в организацию. Представители этих народов, по мере того как численность их компатриотов увеличивалась, стремились создать свои этнические организации социалистической ориентации. Еврейское общество, например, называлось Еврейская рабочая ассоциация и не принимало в свой состав торговцев и предпринимателей [Stedman 1959, 23].

В русских исследованиях этой ранней иммиграции вопросы этнической дифференциации не поднимаются, однако для самих представителей этих народов вопрос межэтнических отношений мог быть очень болезненным. Несомненно, что этнополитическая конфронтация, раздиравшая Россию накануне революции, как в капле воды, воспроизводилась в сообществах россиян за ее пределами. Например, сиднейское Русское общество взаимопомощи, учрежденное в 1909 г., раньше брисбенского, явно испытало проблемы такого рода. В письме одного из сиднейцев, возможно самого В. К. Курнатовского, написанном вскоре после учреждения общества, говорится: «В Сиднее устраивается “русское общество взаимопомощи эмигрантам”. Цели его: подыскание работы для вновь приезжающих, открытие справочного бюро и основание курсов английского языка. Записалось пока 22 человека, но выйдет ли толк, не берусь сказать. Цель хорошая, но, во-первых, русские ужасно не дисциплинированы и не умеют вести никакого

общественного дела, а во-вторых, здесь среди эмигрантов порядочный % х...ов, что может очень плохо отразиться на молодом Обществе» [Пашинский 1909, 19]. Еще более прозрачно о проблемах общества говорится в письме из Сиднея от 3 января 1910 г., написанном политэмигрантом Иннокентием Ангарским (Жидовкиным), прибывшим из Нагасаки в 1909 г.: «Организовалось здесь “Русское общество взаимопомощи”. <...> Состав членов довольно разношерстный. Первое время преобладали евреи, а так как направления у общества никакого нет и вступить может всякий, “говорящий” по-русски, то вместе с евреями попали и самые заядлые их враги: черносотенцы и просто “добрые” ребята, не могущие переносить воздуха, пахнущего чесноком, как сказал один из них. Благодаря такому отношению очень скоро возникли недоразумения, которые чуть не кончились форменной дракой. Некоторые из членов вышли из состава, а некоторых исключили. Теперь это общество избавилось как от “добрых” ребят (не вполне), так и от людей, могущих дать хотя что-нибудь дельное. Собственно говоря, ну его к черту!» [Ангарский 1910].

В Брисбене украинцы с самого начала громко заявили о себе. В судьбоносные дни Рождества 1911 г., когда российские иммигранты съехались в Брисбен со всего Квинсленда и Артем готовился направить жизнь общины по классово-пролетарскому пути, в городе происходили и другие мероприятия. 25 декабря, решив праздновать Рождество в соответствии с западным календарем, около 100 православных приняли участие в службе в церкви Св. Луки. Как сообщали газеты, «службу, продолжавшуюся три часа, вел отец Манович на английском и сирийском языках, а также на двух русских диалектах». 27 декабря состоялся музыкально-литературный вечер — первый в Австралии такого масштаба. Зал был полон. Хор исполнял «два вида национальных песен, северной России и южной России, диалекты которой сильно различаются», — писал австралийский корреспондент; играл оркестр, состоящий из гитар, мандолин и балалаек, под инструментальное сопровождение звучал рассказ о побеге с сибирской каторги, а затем была представлена инсценировка по произведению Гоголя [Russians in Queensland 1911, 5]. Под диалектами, несомненно, имелись в виду

русский и украинский языки. Но если в концертных выступлениях эти языки мирно уживались, то в отношении комплектования книг и периодических изданий в библиотеке Союза, которую активно поддерживали все его члены, произошел конфликт. На предложение украинцев приобретать издания и на украинском языке члены Союза заявили, что это излишне, так как они все могли читать по-русски. В результате в 1915 г. группа украинцев создала собственное объединение — Круг украинских рабочих, со своей библиотекой и культурной программой [Піддубний 1930, 110]. В таких условиях стремление Артема и его соратников к интернационализации Союза, вплоть до замены слова «русский» на «российский», смягчало нарастающие этнические коллизии.

В то же время не следует рассматривать этнические трения как признак четкого размежевания этнических групп, проявляющийся в самоидентификации всех представителей этих народов. При сильной русификаторской политике, проводившейся в Российской империи (например, на ограничение использования белорусского и украинского языков в сфере образования), сочетающейся часто с добровольным обрусением в силу образования, службы в армии и работы, многие эмигранты имели двойную или даже тройную самоидентификацию. Например, евреи, прибывающие в Австралию через Сибирь и Харбин, нередко знали русский гораздо лучше, чем идиш; в Брисбене они не чувствовали себя «своими» в синагоге местной англо-австралийской общины и создали собственную синагогу [Stedman 1959, 27]. Белорусы, выросшие в условиях окружающего белорусско-русско-польского трехязычия, могли в разных ситуациях выступать и поляками, и русскими. Украинец Григорий Толмачев (1886–1937), взявший псевдоним Пиддубный, отличался сильным национальным самосознанием и на первых порах пытался объяснить австралийцам, что не все Russians — русские [Піддубний 1933, 27, 81]. Тем не менее он отмечает: «Украинцы преимущественно разговаривают между собой на характерном русско-украинском “промышленном” жаргоне, на мешанине, на котором говорят рабочие и служащие <Китайско>-Восточной железной дороги и промышленных районов Украины». Он

также утверждал, что «между ними и русскими нет никакого антагонизма, как нет его и в целом между всеми российскими эмигрантами, независимо от их национальности» [Піддубний 1930, 109]. В Австралии многие эмигранты сталкивались с тем, что окружающее общество было не готово вникать в сложности этнического происхождения выходцев из Российской империи, например, Союз российских рабочих они неизменно называли просто Русской ассоциацией. Если прибавить к этому относительную малочисленность этнических общин, то можно понять, почему ранние эмигранты во многих случаях не возражали, когда окружающие считали их русскими, и в период между Первой и Второй мировыми войнами почти утратили свою идентичность.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. «ФЕРМЕРУ ВОЛКОВСКОМУ, АВСТРАЛИЯ»

В 1927 г. Феофил Волковский, пытаясь пригласить в Австралию своего младшего брата, писал в прошении австралийским властям: «Я сошел на берег, не имея денег и не зная английского, и, несмотря на это, я проделал путь от чернорабочего до владельца скотоводческой станции». Сын Феофила, Том, рассказывает, как поначалу отцу пришлось потрудиться на строительстве железных дорог, укладывая шпалы: «Это была каторжная работа, у него на руках было двести мозолей». Отправившись искать работу в глубь страны, Феофил добрался до Берка, к этому времени в кармане у него был всего один шиллинг. «Он услышал, что там в реке Дарлинг водится рыба, он пошел и купил на свой шиллинг леску с крючком, решил попробовать самому добыть себе еду. Он спустился к реке и вытащил великолепную, огромную муррейскую треску, он отнес ее в ресторан в гостинице, они хорошо ему заплатили, и он купил еще удочек и занялся рыбной ловлей. <...> Ему было ясно, что такая рыба будет пользоваться большим спросом в Сиднее, и он организовал ее поставки на сиднейский рыбный рынок. Дело его пошло успешно, так успешно, что он вызвал из Европы Цезаря, своего брата. Он приехал, и они стали работать вместе». Австралийская сказка об обществе равных возможностей, которая влекла сюда в те годы сотни русских, сказка, ставшая явью... После войны успех

его шел по нарастающей: он купил ферму, потом другую, и к 1950-м годам он владел крупнейшей в округе станцией Карравина площадью 50 000 акров и 40 000 овец. «Не успел отец купить эту станцию, как цены на шерсть взлетели — Россия вышла на рынок и стала покупать шерсть. Для австралийских овцеводов настали замечательные времена...» — вспоминает Том [Volkofsky 2001].

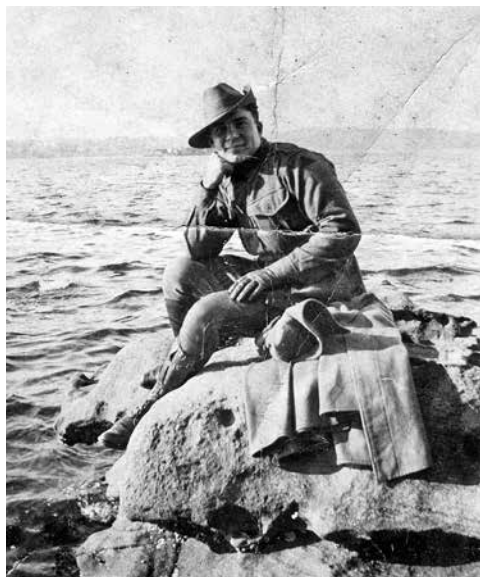
Но Россия (в то время Советский Союз) присутствовала в судьбе Феофила не только как покупатель его шерсти. Похоже, что она всегда была в его сердце. Неслучайно в нашей долгой беседе с Томом мы постоянно возвращаемся к русскому прошлому его отца. На мой вопрос об этническом происхождении его отца, родившегося в с. Липки под Киевом, Том отвечает уверенно: «Его семья была польской, и они переехали в Киев, на Украине. Они были католиками» [Там же]. В массовом представлении римско-католическая церковь на Украине и в Белоруссии обычно ассоциируется с поляками. Тем не менее знакомство с метрическими книгами Липок показывает, что в селе было немало Волковских-православных, живших там с давних времен¹, что позволяет предположить, что семья Феофила этнически скорее всего была украинской, хоть и католической по вероисповеданию. Но этническая неоднозначность на этом не кончается. Феофил поступил в учительскую семинарию, где он оказался под влиянием, по выражению его сына, «всех этих идей об эволюции и книг Достоевского и Толстого» [Volkofsky 2001]. Образование, несомненно, оказало сильное русифицирующее воздействие на Феофила. Дальше была «красная страница» в его жизни, о которой Феофил не рассказывал даже своим детям. Став учителем в начальной школе, он вступился за девочку, которую избивал линейкой священник, потерял работу и вынужден был уехать в Сибирь, где работал телеграфистом на железной дороге. После первой русской революции он был избит до полусмерти карательной экспедицией П. Раннекампа, но выжил и уехал в Австралию в 1909 г. [A red page].

Из украинского прошлого осталось у него только имя его украинской подруги

Оли. В честь нее он и назвал свою первую ферму — Олино. Надежды на их воссоединение не было, Феофил женился на австралийке и вырастил австралийскую семью. «Отец не учил нас русскому языку, я знаю всего полдюжины русских слов, — вспоминает Том. — Он говорил, что русский нам никогда не пригодится, он нам не нужен. Он говорил: “Вы австралийцы, так и будьте австралийцами” — это была его твердая позиция. Если говорить об ассимиляции, то трудно было бы найти пример лучший, чем наш отец» [Volkofsky 2001]. Трудовая жизнь на земле среди простых австралийцев повлияла и на политические взгляды Феофила: он отказался от радикальных социалистических идей своей юности и стал либералом и монархистом. «Отец часто писал в газеты о разных местных проблемах, — вспоминает Том, — таких, как угроза пастбищам со стороны кенгуру, то одному министру он писал, то другому. Еще он создал организацию, которая называлась Ассоциация Западных поселенцев. А еще он долго боролся за учреждение средней школы в Кобаре, а потом за интернат для детей, чтобы там могли жить во время учебы дети с отдаленных ферм. И он всего добился» [Volkofsky 2001; Theofil Volkofsky]. «Кенгуриная» проблема и интернат для сельских ребятишек на краю австралийской ойкумены могут показаться на первый взгляд, сугубо австралийскими делами. Но так ли это? Ведь вся его работа — это именно то, что когда-то делали в России и на Украине его братья по духу — народники. Они, эти сельские австралийские дети, и были тем «маленьким человеком» из Достоевского, из-за которого Феофил вынужден был покинуть родные Липки и оказаться на другом краю земли.

Первый брат из большой семьи Волковских, которого смог выписать в Австралию Феофил, был Цезарь. Он приехал в Австралию накануне войны и вскоре вступил в австралийскую армию и отправился с войсками на Галлиполи. Его внук Питер Тиллеард рассказывает, что Цезарь в то время совсем не знал английского и солдаты дали ему кличку Раш (сокращенное Russian). Как-то раз, научив его английским ругательствам,

¹ Kyiv Orthodox Consistory Church Book Duplicates, 1734–1920. URL: <https://familysearch.org/> (дата обращения: 18.03.2018).

Цезарь Волковский
Cezar Wolkowsky

они отправили его сказать их офицеру, который задал ему жару! [Tilleard 2017] Но такие «приколы», построенные, казалось бы, на этническом антагонизме, не озлобили Цезаря, напротив, он гордо носил прозвище Раш всю жизнь, ведь это была память о его крещении в “mateship”, легендарное австралийское боевое братство². А несколько недель спустя именно эти самые архаровцы выгнали Раша из-под огня, рискуя своей жизнью, когда тот был ранен на Галлиполи. Цезарь, как кажется, отнюдь не стеснялся своего русского происхождения. В архиве Питера сохранились потертые фотографии Цезаря и его подруги Гвиннит, юной австралийской девушки, с которой он познакомился, находясь на лечении в сиднейском госпитале. Свою первую фотографию для Гвиннит Цезарь подписал по-русски, а на ответной фотографии Гвиннит написала на латинице русские слова «Я вас люблю солдат». Именно так, по-русски, эти молодые люди из двух миров начинали свой роман! После войны Цезарь некоторое время был увлечен идеями социализма, но вскоре в них разочаровался, хотя и оставался членом Русского клуба в Сиднее. Вместе с тем, на взгляд его племянника Тома, Цезарь легко вписался в австралийское общество и часто пил и играл на

деньги в пабах со своими австралийскими друзьями.

Третий брат из семьи Волковских, Войтех, тот самый, которого Феофил пытался выволочь из Советского Союза еще в 1927 г., после Второй мировой войны оказался в лагере для перемещенных лиц в Германии и написал отчаянное письмо, адресованное «фермеру Волковскому, Австралия». Письмо нашло адресата, Феофил оплатил его проезд, и Войтех стал преуспевающим австралийским фермером. Однако не все гладко было между братьями. Алин, внук Цезаря, вспоминает, что, когда Цезарь говорил со своим новообретенным братом по-русски, тот очень сердился и требовал: «Говори по-украински!» [Tilleard 2017]. Очевидно, что, несмотря на католическо-польскую самоидентификацию семьи, сохраненную Феофилом, и русскую идентичность, выбранную им и Цезарем в Австралии, украинская самоидентификация Войтеха, кристаллизовавшаяся на Украине, вероятно, как оппозиция советско-русскому террору и голодомору, пережитому Волковскими в советские годы, проявилась в полной мере у Войтеха.

...Разговаривая со мной, внуки Цезаря вспомнили, что когда-то они записали на магнитофон песню, которую любил петь Цезарь. Возможно, язык этой песни — украинский или русский — сможет помочь нам понять глубинную идентичность Цезаря, но чтобы прослушать эту старую магнитофонную бобину, теперь нужно найти специальное оборудование. Пока нам не удалось этого сделать, да и так ли это важно? Внуки наших героев не говорят ни по-русски, ни по-украински, но, как и потомство аборигенов Ильиных, они чувствуют душевную связь с той далекой землей за океаном, откуда когда-то приплыли их предки. Каролин, внучка Цезаря, в своем пронзительном стихотворении «Цезарь Иванович» рассказала о трагедии своего деда, который, узнав, что его попытки помочь родственникам в Советском Союзе привели к их арестам, стал искать убежища в пабах и игре в запрещенную орлянку в городских закоулках со своими австралийскими друзьями [Govor 2017, задняя обложка].

Очевидно, что у всех наших героев мы не найдем той «русскости», которая обычно ассоциируется с этим понятием и выступает в форме сохранения языка, религии, традиционной кухни, а также включает в себя как важный атрибут участие в диаспорных институтах. Но вместе с тем идентичность этих людей выходит за рамки негативного образа «ассимилянта», такого Ивана, родства не помнящего. Россия, русское прошлое, несомненно, играло важную роль и в их жизни, и в самосознании их потомков. Это кажущееся противоречие можно объяснить тем, что русский эмигрант, как в прошлом, так и в настоящем, не всегда проявлял свою идентичность через архетипические

балалайки и самовары, им мог быть и интеллигент, например сельский учитель, начисто лишенный стереотипного русского антуража, но ассоциирующий себя с общемировыми идеями прогресса и гуманизма. Русское наследие, сохраняемое людьми этой второй когорты, не ограничивается своей узкой этнической диаспорной группой, не замыкается в народной (или псевдонародной) культуре, напротив, оно энтропично и легко вливается в окружающее общество. Их след на земле Австралии остается не в виде золотых храмов и диаспорных сообществ, а в памяти простых австралийцев, да еще в названиях австралийских проселочных дорог, ручьев и ферм.

Источники и материалы

Ангарский 1910 — [Ангарский И.] — Я. Силину. 3.01.1910. Архив Якова Силина, собрание Елены Говор, Канберра.

Артем 1983 — Артем (Ф. А. Сергеев). Статьи, речи, письма. М., 1983.

Блинов 1933 — Блинов Н. А. Моя жизнь в Австралии: Воспоминания рабочего. М., 1933.

Пашинский 1909 — [Пашинский А.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. 1909. № 38–39. (Подпись: Ego).

Піддубний 1930 — Піддубний Г. Українські робітники в Австралії // Західня Україна. 1930. № 7–8.

Піддубний 1933 — Піддубний Г. Мідяні заграви. Харків, 1933.

Пикунов 1960 — Пикунов В. И. Союз русских рабочих в Австралии // Вопросы истории КПСС. 1960. № 1.

Резанов 1918 — Резанов А. [Г. Быков]. Русь Австралийская: (Из записной книжки «трампера») [1918] // Национальный архив Австралии, ВР4/1, 66/4/2165.

Устав Союза Российских рабочих // Известия Союза русских эмигрантов. 16.12.1915. С. 3.

A red page — A red page of life. Persecuted Russian in Sydney // Sun. Sydney. 16.06.1912. С. 12. Russians in Queensland 1911 — Russians in Queensland // The Brisbane Courier. 28.12.1911. С. 5.

Russian society — Архив штата Квинсленд, Item ID1397615, 86529; M707.

Simon Sutchkoff — Simon Sutchkoff. URL: <http://russiananzacs.net/Sutchkoff> (дата обращения: 18.03.2018).

Stedman 1959. — Stedman S. From Russia to Brisbane, 1913 // Journal and Proceedings of the Australian Jewish Historical Society. 1959. Vol. 5.

Theofil Volkofsky — Theofil Volkofsky. URL: <http://russiananzacs.net/Volkofsky> (дата обращения: 18.03.2018).

Tilleard 2017 — Peter Tilleard, интервью, 20.01.2017, собрание Елены Говор.

Volkofsky 1927 — T. Volkofsky // Национальный архив Австралии, ST1233/1, N4734.

Volkofsky 2001 — Tom Volkofsky, интервью, 9.11.2001, собрание Елены Говор.

Исследования

История русских 2004 — История русских в Австралии. Т. 1. Сидней, 2004.

Каневская 2010 — Каневская Г. И. «Мы еще мечтаем о России...»: История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. — вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток, 2010.

Evans 1988 — Evans R. The red flag riots: A study of intolerance. Brisbane, 1988.

Govor 2007 — Govor E. Russians in Australia, 1804–1920: Convicts, Swagmen and Anzacs' // Encounters under the Southern Cross: Two centuries of Russian-Australian Relations, 1807–2007. Adelaide, 2007.

Govor 2000 — Govor E. My dark brother: the story of the Illins, a Russian-Aboriginal family. Sydney, 2000.

Govor 2017 — Govor E. Falling stars: The story of Anzacs from Ukraine. Canberra, 2017.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Говор Е. В. <https://orcid.org/0000-0003-0271-3824>

Доктор философии (история), научный сотрудник Австралийского национального университета: Австралия, г. Канберра, АСТ 2600; тел.: +61 (2) 6125-51-11; e-mail: elena.govor@anu.edu.au

IN SEARCH OF THE EARLY RUSSIAN DIASPORA IN AUSTRALIA

ELENA V. GOVOR

(Australian National University: Canberra ACT 2600, Australia)

Summary. *This article raises questions regarding the ethno-cultural identity of early Russian emigres in Australia, who arrived in this country on the eve of the First world war. The opinions of scholars on whether these immigrants can be considered a diaspora diverge. The author of the article makes an attempt to present, on the basis of archival sources, memoirs, and the Australian press, the forms of diasporic institutionalization among these early settlers, which took place in the absence of such traditionally unifying institutions as the Russian Orthodox Church. The evolution of the identity of these immigrants is further explored in the context of their subsequent life in Australia, which mainly existed apart from diasporic institutions created by immigrants of subsequent waves. The author's research, in particular interviews with the descendants and relatives of these immigrants, reveals a specific type of Russian identity which is not manifested through such traditional ethno-cultural markers as language, religion, and food, but through deeper elements of the heritage of Russian humanistic culture in spite of the immigrants' full external integration in Australian society.*

Key words: pre-revolutionary emigration, Russians, Australia, diaspora, identity.

References

- Evans R.** (1988) *The red flag riots: A study of intolerance.* Brisbane. In English.
- Govor E.** (2007) *Russians in Australia, 1804–1920: Convicts, Swagmen and Anzacs.* In: *Encounters under the Southern Cross: Two centuries of Russian-Australian relations, 1807–2007.* Adelaide. In English.
- Govor E.** (2000) *My dark brother: the story of the Illins, a Russian-Aboriginal family.* Sydney. In English.
- Govor E.** (2017) *Falling stars: The story of Anzacs from Ukraine.* Canberra. In English.
- Istoriya russkikh v Avstralii [History of Russians in Australia]. Vol. 1. Sydney, 2004. In Russian.
- Kanevskaya G.I.** (2010) “My eshche mechtayem o Rossii...”: Istoriya russkoy diaspory v Avstralii (konets XIX v. — vtoraya polovina 80-h gg. XX v.) [“We still dream of Russia ...”: History of Russian diaspora in Australia (the late 19th century — the late 80s of the 20th century)]. Vladivostok. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Govor E.V. <https://orcid.org/0000-0003-0271-3824>

E-mail: elena.govor@anu.edu.au

Tel.: +61 (2) 6125-51-11

Canberra ACT 2600, Australia

PhD (History), Adjunct Research Fellow, College of Arts & Social Sciences, Australian National University, Canberra, Australia
